

ПЕДАГОГИКА

*Любовь Васильевна АЛЕКСЕЕВА —
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей и педагогической
психологии,
судебно-психологический эксперт*

УДК:159.9:34

ПСИХОЛОГИЯ ЭМОЦИЙ И ПРАВО: ПРИКЛАДНЫЕ И ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется феномен юридически значимых эмоциональных состояний. Рассматривается необходимость и возможность судебно-психологической экспертной диагностики не только аффективно-го состояния, но и любых эмоциональных переживаний с помощью эталонных моделей социальных субъектных способностей. Анализируется сфера применения психологических знаний об эмоциональных состояниях в уголовном законодательстве и экспертной практике.

The article analyses the phenomenon of the significant emotional states. It touches upon the problems of legal psychological research on both the affected and any other emotional states using the models of social personal abilities. The application of psychological data of emotional states in criminal and expert practice is examined in the article.

В настоящее время область применения психологических знаний значительно расширяется благодаря развитию юридической психологии, изучающей закономерности и механизмы психической деятельности людей в сфере отношений, регулируемых правом. Проведение судебно-психологических экспертиз (СПЭ) стало одним из направлений продуктивного прикладного сотрудничества психологов и юристов. Нередки случаи обращения следственных и судебных органов к психологам в связи с проблемой идентификации эмоциональных состояний обвиняемых или потерпевших.

Практика уголовного судопроизводства, например, накопила факты, убеждающие в существенном влиянии эмоциональных состояний на функционирование сознания и проявление поведения участников криминальных событий, но встретилась с трудностью их психологической интерпретации и юридической квалификации, т. к. данные состояния отличались от физиологического аффекта, экспертиза которого является одним из досконально разработанных видов СПЭ.

Поскольку обсуждаемые эмоциональные состояния наблюдались как у обвиняемых, так и у потерпевших и не проявлялись взрывным характером, как аффект, имели не только импульсивное, но и отсроченное проявление, психологами-экспертами в 80-90-х годах использовались в качестве основы не только теоретические и методические разработки СПЭ физиологического аффекта, но и данные о других видах эмоциональных состояний.

При диагностике юридически значимого эмоционального состояния, т. е. такого эмоционального переживания, которое сужает сознание, разрабатывались два подхода. При первом, проводя подобную экспертизу, эксперт-психолог идентифицировал исследуемое эмоциональное состояние с физиологическим аффектом. Критерием существенности влияния исследуемого эмоционального состояния была полнота перечня признаков, по сравнению с физиологическим аффектом. Однако формулировке типа «эмоциональное состояние оказало существенное влияние» не хватало убедительности. Попытки же психологов-экспертов при втором подходе обозначать вид эмоционального состояния, например, «не аффективное, а фрустрационное», «состояние эмоционального стресса» (поскольку в психологии они известны и как организующие, и как деструктивные), не способствовали установлению понимания в диалоге «эксперт-заказчик». Возникали трудности в объективной юридической оценке разных эмоциональных состояний, проявлялась тенденция не оценивать доказательства, а доверять либо не доверять авторитету науки при оценке одних состояний как внезапно возникшего сильного душевного волнения, других — как сильного душевного волнения.

Идентификация эмоционального переживания с суженным сознанием, оценка степени влияния эмоций на сознание и/или поведение обвиняемого или потерпевшего требовали разработки технологии специальных психологических познаний. Выполняя этот практический запрос, юридические психологи из разных регионов России: В. В. Гульдман, В. Л. Васильев, В. Ф. Енгальцев, С. Н. Ениколопов, Е. В. Конева, М. М. Коченов, И. А. Кудрявцев, В. Е. Орел, В. В. Остришко, Т. П. Печерникова, Н. А. Ратинова, О. Ф. Савина, Ф. С. Сафуанов, О. Д. Ситковская, С. С. Шипшин и др. [4, 5, 10, 11], — разрабатывали как теоретические, так и методические аспекты экспертного исследования эмоциональных состояний. Наше исследование [1; 2] показало, что СПЭ влияния любого эмоционального состояния на сознание и поведение человека возможна, но она должна строиться на иной методологии и технологии, чем СПЭ аффекта. Прежде чем мы опишем разработанный нами подход, следует обратиться к фундаментальному аспекту взаимоотношения права и психологии эмоций.

Результатом взаимодействия психологии эмоций и уголовного права стало изменение уголовного законодательства. Несмотря на то, что учет эмоциональных переживаний имеет в законодательстве давние традиции пониженной ответственности за убийство в запальчивости и раздражении, в обиде, под влиянием сильного душевного волнения, в новом Уголовном кодексе Российской Федерации (1996) дано более подробное указание как на эмоциональные состояния обвиняемых и потерпевших, так и на эмоциогенные ситуации. Правоведы используют понятия «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта)» (ст. 107, 113), «беспомощное состояние потерпевшей (потерпевшего)» (ст. 105, 131, 132), «состояние крайней необходимости» (ст. 14), предписывают учитывать как физическое, так и психическое насилие, а также несоответствие психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам (ст. 28), стечение тяжелых жизненных обстоя-

тельств (ст. 61), а также возникновение длительной психотравмирующей ситуации (ст. 107, 113), условий психотравмирующей ситуации или состояния психического расстройства, не исключающее вменяемость (ст. 106), причинение психических страданий (ст. 117), жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства (ст. 110); оскорбление, т. е. унижение чести и достоинства (ст. 130) и др.

Результатом сотрудничества правоведов и психологов стало существенное изменение уголовного законодательства в части аффективных преступлений. Но если аффект не единственное эмоциональное состояние, могущее быть юридически значимым, ориентировка УК РФ в ст. 107 и 113 на состояние аффекта (по сравнению со ст. 104, 110 УК РСФСР) может исключить рассмотрение других эмоциональных состояний. Таким образом, другие виды эмоциональных состояний, способные быть юридически значимыми, выпадают из поля внимания правоведов, что может в судопроизводстве привести к ошибкам.

Ф. С. Сафуанов, рассматривая преимущество формулировок нового Уголовного кодекса в ст. 107 и 113, пишет, что понятие аффекта является родовым, т. к. существуют разные виды аффекта: классический физиологический, кумулятивный, аффект на фоне алкогольного опьянения. Автор считает, что «по смыслу нововведений в УК РФ понятие аффекта охватывает и такие эмоциональные состояния, которые феноменологически не носят характера физиологического аффекта, но тем не менее существенно ограничивают «свободу воли» обвиняемого при совершении преступления» [10]. Таким образом, в родовое понятие «аффект», согласно этим рассуждениям, попадают такие состояния, как «эмоциональное возбуждение» и «эмоциональное напряжение», как его варианты. В этих рассуждениях просматривается возвращение к идее юридического понятия «сильное душевное волнение», которое могло включать различные эмоциональные состояния.

Возможно, отказ от понятия «сильное душевное волнение», выдержавшего испытание временем и включавшего ряд возможных юридически значимых эмоциональных состояний кроме аффекта, был излишним. Возможно, чтобы охватить различные эмоциональные состояния как у преступников, так и у жертв преступления, стоило не упразднить понятие «иное временное особое состояние личности», используемое в проекте УК РФ.

Таким образом, нужно отдать отчет, что в новом законодательстве (если сравнивать ст. 107 и 113 УК РФ со ст. 104, 110 УК РСФСР) успешно решена проблема квалификации аффективного состояния (даже отсроченного), но порождена проблема неучета других состояний. Этот факт подчеркивает, что взаимоотношения психологии и права должны иметь не только прикладной, но и фундаментальный характер, например, ради решения проблем, связанных с психологическими основаниями уголовной ответственности.

Итак, разрабатывая проблему юридически значимых эмоциональных состояний, мы, используя типологию критических ситуаций Ф. Е. Василюка [3], вызывающих состояния *невозможности* реализации субъектом разных видов внутренних *необходимостей* своей жизни, создали их психологическую типологию. В нее вошли психологический (информационный и эмоциональный) *стресс*; аффект, острое горе и тревожность (беспомощность и безнадежность) как проявление *кризиса*, состояние ревности и состояние тревожности как *конфликтные* состояния; разного типа состояния *фрустрации*; а также *страсть*. Наше исследование [1; 2] показало, что эти эмоциональные состояния влияют на познание и регуляцию и могут быть такой

глубины, что снизят в пределе нормы интеллектуальные и/или волевые возможности человека.

Их влияние в большей мере проявляется глобально, как влияние *сильных, длительных, а важнее всего, глубоких эмоциональных состояний*, снижающих активность субъекта в самоуправлении, приводящих к замещению эмоцией функциональных звеньев самоуправления, снижающих уровень его функционирования с рационального, сознательного до эмоционального, не в полной мере осознанного. Особенность и влияние этих глубоких эмоциональных состояний мы отмечаем в большей уязвимости разных звеньев самоуправления.

В стрессовом состоянии, например, затруднено принятие решения о цели, способах, снижены контроль и коррекция, поскольку человеком не определены ни требования среды, ни свои возможности, ни их соотношение. Рефлексивные возможности человека снижены и в плане выхода в рефлексивную позицию, и в плане коррекции функциональных звеньев самоуправления. В кризисных переживаниях (физиологический аффект, острое горе) происходит эмоциональный всплеск энергии либо ее отток. По этой причине у человека в состоянии острого горя возникает оценка ситуации как неразрешимой. В этих состояниях слабое звено в самоуправлении — принятие решения. Например, в физиологическом аффекте оно происходит неожиданно для самого субъекта, т. к. всплеск эмоций подает сигнал о наличии возможностей (в виде прилива эмоциональной энергии) для преодоления трудностей и принятия решения о действии диктуется эмоцией.

Есть специфика и в конфликтных переживаниях: ревности и тревожности. В ревности, например, слабое звено самоуправления — оценка результата и коррекция, отсюда возникает ригидность функционирования психики. При тревожности снижается самооценка, человек испытывает трудность принятия решения действовать или изменять действие (осуществлять коррекцию), снижается энергетика волевых возможностей (решительности, смелости, настойчивости).

В состоянии фрустрации снижается контроль и коррекция (изменение цели, способов) деятельности. Страсть усиливает энергичность деятельности и акцентирует ее направленность. Такие характеристики дают основание отнести все эти эмоциональные состояния к юридически значимым.

Юридически значимое эмоциональное состояние — это состояние, характеризующееся не столько целостностью и своеобразием в зависимости от вида, сколько своим влиянием на субъект деятельности, приводящим к страдательности положения переживающего человека, выражающейся снижением уровня отражения и регуляции и спецификой их взаимосвязи: нарушением единства сознания и деятельности и/или целостности деятельности, проявляющимся в своих крайних вариантах, либо пассивной созерцательностью переживающего человека, либо его чрезмерной неупорядоченной активностью, т. е. в виде аффективного взрыва, либо «срыва» в любом звене функционирования психического отражения, программирования и регуляции.

Следует отметить, что установленный нами перечень юридически значимых эмоциональных состояний является примерным не только потому, что может быть дополнен, но и потому, что является вероятным. Ни одно из этих эмоциональных состояний, кроме аффекта, нельзя однозначно назвать юридически значимым, потому что эти состояния могут быть разной степени глубины.

Таким образом, методологически в СПЭ юридически значимых эмоциональных состояний важна не идентификация состояния—важно определение степени его деструктивного влияния на сознание и поведение человека. То есть значима существенность влияния переживаемого состояния подэкспертного на проявление его способности быть личностью или субъектом социальных отношений. Эти способности (систему способностей) человека правомерно назвать *юридически значимыми* или *социальными субъектными способностями*, ведь они обеспечивают возможности человека, во-первых, понимать социальный характер действительности, во-вторых, осознавать себя и социальное значение своих действий и, в-третьих, руководить собой с ориентировкой на социальные нормы и ценности.

Очевидно, что диагностировать меру проявления социальных субъектных способностей: уровень их развития или временное снижение в связи с переживанием человеком сильных и глубоких эмоциональных состояний — возможно при использовании их эталонных моделей.

С опорой на исследования в области общей, возрастной, социальной, юридической психологии, психофизиологии и патопсихологии (П. К. Анохина, А. Г. Асмолова и В. А. Петровского, Л. И. Божович, Л. С. Выготского, П. Я. Гальперина, Н. А. Бернштейна, А. З. Зака, А. В. Запорожца, Б. В. Зейгарник, В. А. Иванникова, О. А. Конопкина, М. М. Коченова, И. А. Кудрявцева, А. Н. Леонтьева, Ю. Л. Метелицы и С. Н. Шишкова, Г. С. Никифорова, И. М. Сеченова, О. Д. Ситковской, В. В. Столина, И. И. Чесноковой, Г. П. Щедровицкого и др. [6, 7, 8, 9, 13, 14]), эталонные модели трех социальных субъектных способностей были созданы, прошли апробацию при проведении СПЭ эмоциональных состояний потерпевших и обвиняемых. Правомерность их использования доказана решениями суда. Поскольку характеристики социальных субъектных способностей и процесс их моделирования описаны в других работах, приводим лишь описание их эталонных моделей.

Эталон проявления способности правильно понимать действительность:

1 уровень: непосредственное отражение предметов и явлений окружающей действительности, их физических свойств и параметров, сохранение отражаемых следов, т. е. функционирование ощущений, восприятия, внимания и памяти.

2 уровень: обобщенное, опосредованное отражение, т. е. отражение непосредственно не проявляемых связей и последствий, благодаря функционированию мышления и воображения.

3 уровень: понимание социального значения происходящего за счет «наложения» на ситуацию обобщенного вербального, социально-нормативного контекста.

4 уровень: отражение и выражение личностного смысла происходящего, тождественного социальному значению.

Для понимания юридически значимой ситуации в полной мере необходимо наличие всех компонентов и уровней. Кроме этого, понимание зависит от параметров ситуации, т. е. необходимо учитывать соотношение требований ситуации и психофизиологических возможностей человека. Способность в полной мере понимать юридически значимую ситуацию предполагает проявление возможности адекватного отражения действительности в социальных значениях, актуализацию отражаемого в речи, проявление такого уровня осмысления, который позволяет ситуацию разрешить. Эти параметры, как и уровень понимания, являются диагностическими признаками проявления обсуждаемой способности.

Эталон проявления способности осознавать себя и значение своих действий в полной мере:

1 уровень: органический — отражение уровня бодрствования и отнесение совершаемого к себе, как исходящее от себя (образец — нормальное самочувствие, «фоновое» состояние).

2 уровень: физический — отражение физических параметров себя и своих движений, действий (образец — физические координаты и координаты схемы тела, физические характеристики действий).

3 уровень: социальный — отражение себя и своих действий в вербальных социальных значениях (образец — социальные нормы), включающее осознание цели, предвидение существенных результатов, оценку действий с точки зрения социальных норм, социальную оценку средств и способов достижения цели.

4 уровень: смысловой — формирование представления о своих уникальных характеристиках, возможностях, потребностях и формирование отношения к себе, своему поведению (образец — индивидуальные ценности). Отражение целей, результатов, средств и способов их достижения сквозь призму собственных потребностей, мотивов и возможностей, то есть осознание личностной значимости цели, предвидение существенных результатов в виде выгод и издержек, оценка своих возможностей в соотношении с требованиями ситуации и социальными нормами, переживание любого несоответствия.

Проявление каждого последующего уровня самосознания опирается на функционирование предыдущего. Адекватное отражение себя в полной мере в социально-нормированной деятельности возможно при наличии всех четырех уровней и проявлении личностных смыслов тождественно социальным значениям. Способность осознавать значение своих действий в юридически значимой ситуации — это способность субъекта, отражая себя, свои возможности и свои действия как объект, соотносить этот образ с социально-нормативным как на этапе планирования и прогноза, так на этапе исполнения.

Этапами рефлексивной активности человека, обеспечивающей работу этой способности, являются: остановка выполняемой деятельности, выход в рефлексивную позицию; сличение с образцом (самоконтроль), осуществление внутреннего диалога, заполнение разрыва в выполняемой деятельности (кооперация деятельности и рефлексивной активности), инициация деятельности в измененном виде либо ее прекращение. Диагностическими признаками снижения этой способности являются: а) отсутствие проявления этапов рефлексивной активности; б) уровень проявления сличения с образцом, т. е. то, что охвачено контролем; в) невозможность проявления самоотражения, планирования, сличения, прогноза действий в соответствии с требованиями ситуации.

Эталон способности руководить собой в полной мере:

1 уровень (тонический) — «отлаживание» функционального состояния.

2 уровень (предметно-манипулятивный) — координация внутренних и внешних ощущений, выполнение движений, действий в координатах физического мира.

3 уровень (операциональный) — интеграция движений в систему орудийных, социальных действий (произвольные, осознанные действия, деятельность).

4 уровень (смысловой) — соотношение действий в деятельности, деятельностей — в жизнедеятельности (волевая, сверхнормативная активность).

Кроме эталона способности, если опираться на исследования О. А. Конопкина [6], конструируется эталон программного обеспечения, где 1-й блок — программирование цели, а 2-й блок — программирование способов, каждый из которых состоит из семи последовательных звеньев, обеспечивающих функционирование способности или демонстрирующих уровень неспособности:

1. Программирование цели (во втором блоке — программирование способов).
2. Сличение ее (их) возможности и допустимости.
3. Формирование и оценка субъективных критериев успешности.
4. Принятие решения о цели (способах).
5. Обеспечение возможности получения информации о результатах.
6. Сличение результата (контроль) с субъективными критериями успешности.
7. Принятие решения о необходимости коррекции любого компонента или в любом функциональном звене.

Системность способности руководить собой проявляется в зависимости функционирования последующего уровня (блока, звена) от предыдущего. Чем ниже уровень программирования и регуляции, тем существеннее нарушение способности. Способность регулировать свои действия, во-первых, должна анализироваться в связи с возможностью человека проявить реактивность, непроизвольную, произвольную и волевою активность; во-вторых — определяться через доминирующий уровень проявления; в-третьих — характеризоваться через возможности субъекта построить адекватную программу действий с опережением исполнения. Как результаты такого программирования должны анализироваться возможности человека принимать решения о цели, о субъективных критериях успешности, о способах, о коррекции, объем принятых решений и их адекватность.

Способность сознательной регуляции есть возможность системно организовать процесс внутренней психической активности по построению, инициации, поддержанию и изменению разных видов и форм действий, непосредственно реализующих достижение поставленных человеком целей, обусловленных его мотивом, который может включать в себя изменение внешней среды, преобразование деятельности, изменение и развитие самого себя с учетом социальных норм.

СПЭ эмоциональных состояний должна быть выделена в особый вид экспертиз, т. к. имеет не только общий предмет исследования, но и общую методику. Особенность этой методики обусловлена временным характером эмоционального состояния, его выраженной субъективностью и сложностью, его невоспроизводимостью в экспертных условиях, в отличие, например, от экспертизы психологических свойств. Несмотря на это, для идентификации и диагностики эмоционального состояния, как юридически значимого, должна быть использована технология проведения СПЭ, гарантирующая полноту и системность, объективность и достоверность полученных результатов, отраженных в заключении эксперта таким образом, чтобы быть правильным, убедительным и понятным любому участнику уголовного процесса.

Необходимым требованием к судебно-психологическому экспертному исследованию является взаимосвязь конкретно-психологических научных принципов с принципами уголовного права и процесса, а также экспертологии, определяющими объективность, научность и допустимость применения знаний и методов, составляющих специальные познания в психологии. Рассмотрение исходных руководящих принципов, направляющих и ограни-

чивающих способ достижения экспертной цели, позволило нам сконструировать 7 технологических компонентов СПЭ эмоционального состояния:

1. Изучение характера ситуации с оценкой тех требований, которые она предъявляла к психике подэкспертного для своего разрешения, оценка ее объективной экстремальности.

2. Изучение индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, могущих обусловить его поведение в исследуемой ситуации.

3. Изучение и оценка временных неблагоприятных факторов, изменяющих психофизиологическое состояние индивида к моменту эмоционального реагирования.

4. Построение теоретической модели поведения подэкспертного путем соотнесения его индивидуально-психологических особенностей с характером требований исследуемой ситуации. Основным признаком модели «эмоционального разрешения ситуации» является конфликт между требованиями ситуации и возможностями подэкспертного (при наличии острой потребности) ее разрешить, сензитивность подэкспертного к такого рода воздействиям. Явное несоответствие требований ситуации возможностям подэкспертного, таким образом, станет доказательством возможности возникновения у него особого эмоционального состояния.

5. Ретроспективная реконструкция по материалам уголовного дела и самоотчету подэкспертного его эмоционального состояния до, в момент и после завершения ситуации, идентификация его вида, а также признаков его развития, продолжительности, глубины и силы.

6. Сравнение возможного для данной личности и реконструированного эмоциональных состояний, причем их совпадение является доказательством фактического наличия этого состояния.

7. Оценка значимости влияния установленного эмоционального состояния на психическую деятельность подэкспертного, оценка степени сужения сознания, нарушения самоуправления путем соотнесения психической продукции подэкспертного с эталонами проявления социальных субъектных способностей: способностей понимать действительность, осознавать себя и руководить своими действиями в полной мере. Критерием существенности снижения социальных субъектных способностей становится такое их снижение в связи с переживаемым состоянием, которое вызывает их несоответствие требованиям социальной деятельности или ситуации, с которой необходимо «совладать».

Таким образом, адекватное использование специальных психологических познаний в уголовном процессе приводит к тому, что СПЭ эмоционального состояния не только описывает и анализирует, но и доказывает факты эмоциональной реальности по принципу получения выводного знания, объясняет их и прогнозирует. Наше исследование показало, что выполнение юридического заказа по определению юридически значимых эмоциональных состояний и возможности их идентификации способствовало развитию психологии. Разработка психологии юридически значимых эмоциональных состояний и социальных субъектных способностей будет способствовать как решению проблемы индивидуализации наказания, так и раскрытию психолого-юридической сущности некоторых фундаментальных категорий и норм права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. В. Проблема юридически значимых эмоциональных состояний. Тюмень: ТГУ, 1997. 128 с.
2. Алексеева Л. В. Судебно-психологическая экспертиза эмоциональных состояний: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1996. 279 с.

3. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во МГУ, 1984. 200 с.
4. Енгальчев В. Ф., Шипшин С. С. Судебно-психологическая экспертиза: Методическое руководство. Калуга-Обнинск-Москва, 1996. 156 с.
5. Конева Е. В., Орел В. Е. Судебно-психологическая экспертиза: Учебное пособие. Ярославль: ЯрГУ, 1998. 91 с.
6. Конопкин О. А. Психологические механизмы регуляции деятельности. М.: Наука, 1980. 256 с.
7. Коченов М. М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 46 с.
8. Метелица Ю. Л., Шишков С. Н. Значение категории понимания в судебной психиатрии // Психол. журн. 1989. Т. 10. № 5. С. 75–80.
9. Никифоров Г. С. Самоконтроль человека. Л.: ЛГУ, 1989. 128 с.
10. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза аффекта в свете нового Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы и перспективы // Психол. журн. 1997. Т. 18. № 2. С. 50–57.
11. Ситковская О. Д. Судебно-психологическая экспертиза аффекта. М.: ВНИИ прокуратуры, 1983. 70 с.
12. Ситковская О. Д. Психологические основания уголовной ответственности (Психология и проблемы Общей части уголовного законодательства). Баку: Билик, 1992. 112 с.
13. Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 144 с.
14. Щедровицкий Г. П. Коммуникация, деятельность, рефлексия // Исследования рече-мыслительной деятельности / Отв. ред. М. М. Муканов. Алма-Ата: ВНИИ-ТЭ, 1974. С. 12–28.